

СТИХИ О ВОВ НАПИСАННЫЕ ВО ВРЕМЯ ВОВ

Автор игорь самолюк

Александр твардовский

Перед войной

Перед войной, как будто в знак беды,
Чтоб легче не была, явившись в новости,
Морозами неслыханной суровости
Пожгло и уничтожило сады.

И тяжело было сердцу удрученному
Средь буйной видеть зелени иной
Торчащие по-зимнему, по-черному
Деревья, что не ожили весной.

Под их корой, как у бревна отхлупшею,
Виднелся мертвенный коричневый нагар.
И повсеместно избранные, лучшие
Постиг деревья гибельный удар...

Прошли года. Деревья умерщвленные
С неожиданной силой ожили опять,
Живые ветки выдали, зеленые...

Прошла война. А ты все плачешь, мать.

Константин Симонов

РОДИНА

Касаясь трех великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Покрыта сеткою меридианов,
Непобедима, широка, горда.

Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке
И в краткий миг припомнить разом надо
Все, что у нас осталось вдалеке,

Ты вспоминаешь не страну большую,
Какую ты изъездил и узнал,
Ты вспоминаешь родину – такую,
Какой ее ты в детстве увидал.

Клочок земли, припавший к трем березам,
Далекую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.

Вот где нам посчастливилось родиться,
Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей земли.

Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три березы
При жизни никому нельзя отдать.

СЛАВА

За пять минут уж снегом талым
Шинель запорошилась вся.
Он на земле лежит, усталым
Движеньем руку занеся.

Он мертв. Его никто не знает.
Но мы еще на полпути,
И слава мертвых окрыляет
Тех, кто вперед решил идти.

В нас есть суровая свобода:
На слезы обрекая мать,
Бессмертье своего народа
Своею смертью покупать.

Юлия Друнина

ЗАПАС ПРОЧНОСТИ

До сих пор не совсем понимаю,
Как же я, и худа, и мала,
Сквозь пожары к победному Маю
В кирзачах стопудовых дошла.

И откуда взялось столько силы
Даже в самых слабейших из нас?..
Что гадать!– Был и есть у России
Вечной прочности вечный запас.

БИНТЫ

Глаза бойца слезами налиты,
Лежит он, напружиненный и белый,
А я должна приросшие бинты
С него сорвать одним движеньем смелым.
Одним движеньем – так учили нас.
Одним движеньем – только в этом жалость...
Но встретившись со взглядом страшных глаз,
Я на движенье это не решалась.
На бинт я щедро перекись лила,
Стараясь отмочить его без боли.
А фельдшерица становилась зла
И повторяла: “Горе мне с тобою!
Так с каждым церемониться – беда.
Да и ему лишь прибавляешь муки”.
Но раненые метили всегда
Попасть в мои медлительные руки.

Не надо рвать приросшие бинты,
Когда их можно снять почти без боли.
Я это поняла, поймешь и ты...
Как жалко, что науке доброты
Нельзя по книжкам научиться в школе!

Анна Ахматова

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

ПОБЕДИТЕЛЯМ

Сзади Нарвские были ворота,
Впереди была только смерть...
Так советская шла пехота
Прямо в желтые жерла «Берт».
Вот о вас и напишут книжки:
«Жизнь свою за други своя»,
Незатейливые парнишки —
Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки, —
Внуки, братики, сыновья!

Борис Пастернак

СТРАШНАЯ СКАЗКА

Все переменится вокруг.
Отстроится столица.
Детей разбуженных испуг
Вовеки не простится.
Не сможет позабыться страх,
Изборождавший лица.
Сторицей должен будет враг
За это поплатиться.
Запомнится его обстрел.
Сполна зачтется время,
Когда он делал, что хотел,
Как Ирод в Вифлееме.
Настанет новый, лучший век.
Исчезнут очевидцы.
Мученья маленьких калек
Не смогут позабыться.

ВЕСНА

Все нынешней весной особое.
Живее воробьев шумиха.
Я даже выразить не пробую,
Как на душе светло и тихо.
Иначе думается, пишется,
И громкою октавой в хоре
Земной могучий голос слышится
Освобожденных территорий.
Весеннее дыханье родины
Смывает след зимы с пространства
И черные от слез обводины
С заплаканных очей славянства.
Везде трава готова вылезти,
И улицы старинной Праги
Молчат, одна другой извилистей,
Но заиграют, как овраги.
Сказанья Чехии, Моравии
И Сербии с весенней негой,
Сорвавши пелену бесправия,
Цветами выйдут из-под снега.
Все дымкой сказочной подернется,
Подобно завиткам по стенам
В боярской золоченой горнице
И на Василии блаженном.
Мечтателю и полуночнику
Москва милей всего на свете.
Он дома, у первоисточника
Всего, чем будет цвезть столетье.

Арсений Тарковский

СУББОТА, 21 ИЮНЯ

Пусть роют щели хоть под воскресенье.
В моих руках надежда на спасенье.
Как я хотел вернуться в до-войны,
Предупредить, кого убить должны.
Мне вон тому сказать необходимо:
“Иди сюда, и смерть промчится мимо”.
Я знаю час, когда начнут войну,
Кто выживет, и кто умрет в плену,
И кто из нас окажется героем,
И кто расстрелян будет перед строем,
И сам я видел вражеских солдат,
Уже заполонивших Сталинград,
И видел я, как русская пехота
Штурмует Бранденбургские ворота.
Что до врага, то все известно мне,
Как ни одной разведке на войне.
Я говорю — не слушают, не слышат,
Несут цветы, субботним ветром дышат,
Уходят, пропусков не выдают,
В домашний возвращаются уют.
И я уже не помню сам, откуда
Пришел сюда и что случилось чудо.
Я все забыл. В окне еще светло,
И накрест не заклеено стекло.

Стояла батарея за этим вот холмом,
Нам ничего не слышно, а здесь остался гром.
Под этим снегом трупы еще лежат вокруг,
И в воздухе морозном остались взмахи рук.
Ни шагу знаки смерти ступить нам не дают.
Сегодня снова, снова убитые встают.
Сейчас они услышат, как снегири поют.

Алексей Сурков

В ЗЕМЛЯНКЕ

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

О тебе мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтоб услышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти не легко,
А до смерти – четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От твой негасимой любви.

УТРО ПОБЕДЫ

Где трава от росы и от крови сырая,
Где зрачки пулеметов свирепо глядят,
В полный рост, над окопом переднего края,
Поднялся победитель-солдат.

Сердце билось о ребра прерывисто, часто.
Тишина... Тишина... Не во сне – наяву.
И сказал пехотинец: – Отмаялись! Баста!-
И заметил подснежник во рву.

И в душе, тосковавшей по свету и ласке,
Ожил радости прежней певучий поток.
И нагнулся солдат и к простреленной каске
Осторожно приладил цветок.

Снова ожили в памяти были живые –
Подмосковье в снегах и в огне Сталинград.
За четыре немислимых года впервые,
Как ребенок, заплакал солдат.

Так стоял пехотинец, смеясь и рыдая,
Сапогом попирая колючий плетень.
За плечами пылала заря молодая,
Предвещающая солнечный день.

Юрий Левитанский

Ну что с того, что я там был

Ну что с того, что я там был. Я был давно, я все забыл.
Не помню дней, не помню дат. И тех форсированных рек.
Я неопознанный солдат. Я рядовой, я имярек.
Я меткой пули недолет. Я лед кровавый в январе.
Я крепко впаян в этот лед. Я в нем как мушка в янтаре.
Ну что с того, что я там был. Я все забыл. Я все избыл.
Не помню дат, не помню дней, названий вспомнить не могу.
Я топот загнанных коней. Я хриплый окрик на бегу.
Я миг непрожитого дня, я бой на дальнем рубеже.
Я пламя вечного огня, и пламя гильзы в блиндаже.
Ну что с того, что я там был. В том грозном быть или не быть.
Я это все почти забыл, я это все хочу забыть.
Я не участвую в войне, война участвует во мне.
И пламя вечного огня горит на скулах у меня.
Уже меня не исключить из этих лет, из той войны.
Уже меня не излечить от тех снегов, от той зимы.
И с той зимой, и с той землей, уже меня не разлучить.
До тех снегов, где вам уже моих следов не различить.

Булат Окуджава

Бери шинель, пошли домой

А мы с тобой, брат, из пехоты,
А летом лучше, чем зимой.
С войной покончили мы счёты,
Бери шинель, пошли домой!

Война насгнула и косила,
Пришёл конец и ей самой.
Четыре года мать без сына,
Бери шинель, пошли домой!

К золе и к пеплу наших улиц
Опять, опять, товарищ мой,
Скворцы пропавшие вернулись,
Бери шинель, пошли домой!

А ты с закрытыми глазами
Спишь под фанерною звездой.
Вставай, вставай, однополчанин,
Бери шинель, пошли домой!

Что я скажу твоим домашним,
Как встану я перед вдовой?
Неужто клясться днем вчерашним,
Бери шинель, пошли домой!

Мы все – войны шальные дети,
И генерал, и рядовой.
Опять весна на белом свете,
Бери шинель, пошли домой!

Затихнет шрапнель, и начнется апрель.
На прежний пиджак поменяю шинель.
Вернутся полки из похода,
Такая сегодня погода.

А сабля сечет, да и кровь все течет.
Брехня, что у смерти есть точный расчет,
Что где-то я в поле остался...

Назначь мне свиданье, Настасья!

В назначенный час заиграет трубач,
Что есть нам удача среди всех неудач,
Что все мы еще молодые
И крылья у нас золотые...

Анатолий Пиневич

На полустанке

На захолустном польском полустанке
О чем-то русском сетует гармонь,
И нежный голос девушки-минчанки
Теплом души нас греет, как огонь.
Спят в эшелоне бывшие солдаты...
В товарных, на полу, на сквозняке
И в снах спокойных, ласковых, крылатых
Они сейчас, наверно, вдалеке...
Пусть спят друзья, а мы прокоротаем
Ночь на границе, сидя у костра.
Согреемся крутым солдатским чаем
Послушаем, что нам споет сестра.
Мы так давно сидели без тревоги...
Сегодня, братья, нам заданий нет.
- Подсыпь, дружок, махорочки немного,
- Откуда ты? - Московский. - Ну?
Сосед...
- А что с ногой? Укоротили малость...
- Вот так-то друг... - И снова тишина...
И вдруг ко мне, да так, что сердце сжалось,
- Не отвернется? - Кто? - Жена? -
Она...
Подкинул хворост, затрещали сучья,
Мотнулись искры в небо, в темноту.
- Не отвернется. Примет, потому что
Ты мирных снов вернул ей теплоту.
Она, родная, примет, обласкает.
- Спасибо, друг, - он глубоко вздохнул.
- Вон, посмотри, в России рассветает...
Редела ночь. Дневной родился гул.
И в километре от ночной стоянки
Увидел я над крышами дымки.
Там - Родина... На польском полустанке
Спокойно спят друзья-фронтовики.

автор игорь самолюк

автор игорь самолюк